

ЕКАТЕРИНА ВЕЛЬМЕЗОВА
(Лозанна, Швейцария – Тарту, Эстония)

**Антропология в междисциплинарном измерении: о книге
А.Г. Козинцева *Язык – реальность – игра – смех*
(*Антропологические фрагменты*)
(Издательский Дом ЯСК, Москва, 2024 – сс. 367)**

Междисциплинарность – одно из ключевых слов современных гуманитарных исследований, задающих ориентацию многим направлениям интеллектуальной работы. Новая книга известного ученого Александра Григорьевича Козинцева, автора многочисленных работ и плодотворных размышлений в области истории, физической и культурной антропологии, этологии, семиотики, лингвистики, – наглядный пример исследования, которое не только отвечает тенденции к диалогу наук, но и фактически само может стать в ней ориентиром, важной вехой, определяющей тон многих гуманитарных работ уже в самом ближайшем будущем. Опубликованная в издательстве «Языки славянской культуры», эта книга носит название *Язык – реальность – игра – смех (Антропологические фрагменты)* и включает в себя тексты, «написанные или произнесенные за последние четверть века» (стр. 13; самый ранний из публикуемых текстов относится к 1999 году). Книга разделена на несколько больших частей, в свою очередь поделенных на главы. Большие части посвящены сразу нескольким научным темам, о чем свидетельствуют уже их названия, вписывающиеся в несколько дисциплинарных полей – это (перечисление далеко не исчерпывающее) и антропология, и лингвистика, и семиотика, и психология, и история и эпистемология идей... Об очевидной междисциплинарной направленности книги свидетельствуют уже названия ее больших разделов: «Религия глазами антрополога», «Коммуникация, семиотика и языковой Рубикон», «Эмоции и свобода воли», «В чем (еще) был неправ Фрейд?», «Уничтожение содержания формой: от Шиллера до русского формализма», «Смех, плач и прочие паралингвистические знаки», «Общие проблемы комического», «Жанры комического: трикстериада, (анти)паремия, анекдот, телешоу».

В посвященной «религии глазами антрополога» первой части книги речь заходит о «вечной» проблеме происхождения человека, к которой автор подходит с интересной позиции вступившего в диалог (именно в диалог, а не в яростный «спор») с богословием (как справедливо отмечается в книге, еще несколько десятилетий назад такой диалог едва ли мог состояться [стр. 15]). В настоящее же время речь идет о «двух разных модусах

восприятия мира» (стр. 16), и автор апеллирует прежде всего к теории эволюции, затрагивая, в частности, проблему грани между человеком и животным. Эти рассуждения дополняются замечаниями о «необъясненной религии»: это выражение – аллюзия на заглавие книги французского эволюционного психолога и антрополога П. Буайе, с которым А.Г. Козинцев также вступает в диалог, постепенно вовлекая в него – через ссылки на соответствующие работы – и других исследователей (из такого диалога фактически родилась и рецензия А.Г. Козинцева на книгу Буайе, опубликованную в русском переводе в 2018 году).

Название второй части книги – «Коммуникация, семиотика и языковой Рубикон», – несомненно, многообещающе, и в этом смысле ожидания читателя оказываются совершенно оправданными. В первой главе теории «классиков» современной биосемиотики Я. фон Иксюля и Ч.С. Пирса обсуждаются в свете кажущегося провокационным вопроса «Существует ли биосемиотика?». Ни в коей мере не умаляя различий в концепциях «сочувствующего дарвинизму» «логика» Пирса и «антидарвиниста»-«виталиста» Иксюля, А.Г. Козинцев ищет и в их подходах, и в последующих интерпретациях их работ и общее – недаром обоим этим мыслителям порой считают, как он пишет, «отцами-основателями» биосемиотики (отношение автора к которой оказывается, впрочем, очень критичным: по его мнению, «эта мнимо-универсальная псевдонаука как была миражом, так им и остается» [стр. 42]). В главе «Два интерпретанта» автор возвращается к уже затронутой ранее проблеме структуры знака, рассматривая ее не только в семиотическом, но и в философском аспекте. За ней следуют главы «Редукционистское понимание глоттогенеза: Дарвин против Декарта» (анализ споров вокруг коммуникации животных и используемых ими типов знаков), «Языковой Рубикон, сальтационизм и антидарвинизм: необходимая связь?» (размышления по поводу дискуссий о «языковом пороге» как особом виде «порога семиотического»), «От Павлова и Выготского к Дикону и Томаселло» (автор излагает здесь свою точку зрения, в частности, на то, что «павловская теория второй сигнальной системы при всей ее незавершенности показывает, что идея языкового Рубикона нисколько не противоречит дарвинизму», что было «блестяще продемонстрировано Терренсом Диконом» [стр. 74]) – и размышления эти продолжают отчасти и в главе «Семиотический треугольник и вторая сигнальная система». Завершают эту часть книги главы «Язык и СКЖ [системы коммуникации животных]: слом барьера, а не усовершенствование», «Вперед к Выготскому: язык как социальное явление» и... «Возникновение языка», в которых А.Г. Козинцев анализирует ряд теорий, посвященных все тому же «языковому Рубикону» в связи с другими важными проблемами семиотики и коммуникации.

Следующая часть книги («Эмоции и свобода воли» в рамках категорий «врожденных программ и/или культурных моделей») – рассуждения

А.Г. Козинцева, представленные в рамках его довольно критичной (но при этом неизменно доброжелательной) рецензии на вышедшую в русском переводе в 2018 году книгу немецкого историка Я. Плампера *История эмоций*.

Во «фрейдистской» (или скорее «антифрейдистской» по своей направленности) части книги речь фактически заходит об этиологии человека: автор рассказывает о своих наблюдениях за поведением детей, и один из интересных напрашивающихся здесь выводов состоит в том, что агрессии и конфликтности человека может противостоять отнюдь не культура (как это считал З. Фрейд), а животное происхождение человека. Другой оспариваемый в этой части книги тезис Фрейда – о вытесненном запретном (социально неприемлемом) в природе анекдота. Как резюмирует автор, «вопреки Фрейду, не комизм представляет собой фасад, за которым скрыт серьезный смысл, а, наоборот, то, что притворяется серьезным (иногда и черным) смыслом комических текстов, – фасад, за которым скрывается чистейшая бессмыслица. Смех настаивает и нейтрализует серьезное отношение к предмету, каким бы оно ни было и где бы ни находилось – в сознании или в бессознательном. Это не всегда ему удается, но такова, по крайней мере, его цель» (стр. 131).

Эстетика и проблемы восприятия «формы» и «содержания» произведения искусства (в том числе и литературного текста) – в центре следующей части книги, посвященной «уничтожению содержания формой». Широта охвата материала заявлена уже в названии этой части – «от Шиллера до русского формализма», и ожидания читателя в очередной раз оказываются вполне оправданными. Впрочем, как резюмирует автор, затрагивая в рассуждениях одну из любимых своих научных тем – тему комического, – лишь «в чистом комическом искусстве шиллеровский принцип – уничтожение содержания формой – реализуется целиком и безоговорочно» (стр. 137).

Этот вывод позволяет А.Г. Козинцеву органично перейти к разделу книги, посвященному, в частности, смеху как «паралингвистическому знаку», – и тем самым уже непосредственно затрагивая семиотическую проблему знака. Неудивительно поэтому, что открывается эта часть публикацией переписки (февраль 2005 г.) автора со специалистом по невербальной, в частности, семиотике Григорием Ефимовичем Крейдлиным – переписки, в которой затрагивается целый ряд проблем, стоящих перед современными гуманитарными исследованиями (как, например, проблема смеха и комического в свете языка как коммуникационного инструмента особого вида; вопросы, связанные с понятием картины мира, и т.д.). За перепиской следует глава, посвященная «смеху, плачу, зевоте» как особым сигналам (рефлексы? выражения эмоций?..) в свете этиологии общения и их биологических и культурных истоков. Несмотря на различия между тем, что мы традиционно обозначаем как смех, плач и зевота, то, что их объединяло уже давно, – это возможность «временно

блокировать речь и действие у возможно большего числа людей» (стр. 161). Однако в ходе социогенеза их функция изменилась: они стали «паралингвистическими средствами общения», «обогадив нашу духовную жизнь» (стр. 165): «А раз так, перед нами прекрасная иллюстрация того, что этологические знания о человеке не только не посягают на психологию чувств, но напротив, служат для нее необходимой основой» (стр. 165). Отдельная глава этой «паралингвистической» части книги посвящена феномену «смех-плач» и возможности рассматривать его в единстве двух, казалось бы, таких разных его составляющих (А.Г. Козинцев делится здесь своими размышлениями, возникшими в общении с этнографом и фольклористом Т.А. Бернштам, памяти которой и был изначально посвящен этот текст). В последней же главе этой части книги речь заходит ни много ни мало «о сущности и культурных смыслах смеха и плача», рассуждая о которых автор напоминает об онтологии и феноменологии как возможных философских подходах к реальности: А.Г. Козинцев обращается и к онтологии, и к феноменологии (знаковости) плача и смеха (по мнению исследователя, и более древнего, и лучше исследованного).

Эти размышления естественно подводят читателя к следующей части книги, в которой обсуждаются «общие проблемы комического». Начинается она главой «Кант и смех», и А.Г. Козинцев обсуждает в ней несколько «концепций» смеха и юмора, представленных в текстах И. Канта («концепций» – в отличие от сколь бы то ни было законченной теории, которой можно было бы ожидать). Смех и юмор рассматриваются здесь, в частности, в связи с их происхождением, и эта тема затрагивается и в следующей главе данного раздела, посвященной еще недостаточно изученной проблеме «С.М. Эйзенштейн и теория комического» (А.Г. Козинцев пишет в этой связи о теории Эйзенштейна как о «единственной полноценной гегельянско-марксистской теории» «в мировой эстетической литературе» [стр. 197-198]). За этим следует, по сути, целый трактат «Разнонаправленное двуголосое слово: эстетика и семиотика юмора», состоящий из нескольких частей и завершающийся выводом о том, что «юмор – не отношение человека к миру и к другому человеку, а отношение его к собственному меняющемуся во времени отношению. “Другим” в этом метаотношении оказывается сам субъект на другой стадии развития – индивидуального, исторического и, вероятно, также эволюционного» (стр. 236). Это заключение очевидно противостоит тому «традиционному» взгляду на юмор, с которого автор начинал в данном случае свои рассуждения, сразу же от него отстраняясь («Юмор – особое отношение человека к противоречивому миру либо противоречивое отношение его к миру» [стр. 217]). Этим выводом можно было бы, наверное, и завершить эту часть книги – но читателя ждет еще одна глава, своеобразный постскрипtum к изложенному выше: публикация переписки (май-июнь 2019 г.) А.Г. Козинцева с лингвистом К.М. Шилихиной «об

иронии и юморе». Начало этой переписке было положено откликом автора рецензируемой книги на соответствующий фрагмент диссертации его собеседницы.

Наконец, последняя часть книги, речь в которой заходит о разных «жанрах комического», объединяет главы, посвященные «функции трикстера», «русским антипословицам», «анекдотам о Сталине», переписке с известным эстонским фольклористом А. Крикманном, а также телепрограмме «Куклы», вышедшей в России в 1994-2000 гг. Рассуждая в первой главе о «функции трикстера», автор разграничивает несколько «миров референции» и специально выделяет так называемую «антиреферентивную» функцию, сопоставляя ее с языковой «поэтической» функцией и подчеркивая, что цель «антиреферентивной» функции состоит в «разрушении смысла» и даже в «подрыве языка» (стр. 253). В каком-то смысле «подрывом языка» (или же языкового узуса) можно считать и появление рассматриваемых во второй главе этой части книги «русских антипословиц» – видоизменений «традиционных» паремий, превративших последние в особый «жанр» комического. Так как «антипословицы» иногда считаются мини-анекдотами, из этой главы кажется логически вытекающей следующая, посвященная рассматриваемым в свете общей «теории комического» «анекдотам о Сталине». «Об анекдотах и их персонажах» А.Г. Козинцеву посчастливилось в августе 2008 и в марте 2011 года переписываться с исследователем «народного юмора» А. Крикманном, чему посвящена следующая глава. Благодаря этим письмам сегодня можно было бы реконструировать и концепцию юмора двух известных исследователей в целом, так как затрагиваемые в их переписке сюжеты не ограничиваются исключительно анекдотами. Наконец, известная в свое время программа «Куклы» изначально также замышлялась как развлекательно-юмористическая, однако довольно быстро она приобрела сатирическо-карнавальныи характер, что во многом и обусловило ее судьбу. При этом осмеивала эта программа, как показывает А.Г. Козинцев, «не только [...] российский политикум, но и [...] весь мир, нуждающийся в периодическом карнавальном обновлении» (стр. 308).

Очевидное тематическое разнообразие текстов, собранных под одной обложкой современной научной книги, – несомненно, редкость. Объясняя читателю некоторые *raison(s) d'être* своего труда, автор предваряет книгу «Предисловием», в котором коротко представляет ее содержание и дает читателю общую путеводную нить, которая и в самом деле может казаться необходимой для того, чтобы не заблудиться в тематическом богатстве собранных в книге текстов. После прочтения этого «Предисловия» возникает ощущение – в конечном итоге подтверждающееся и после прочтения всей книги, – что за разнообразной тематикой представленных в ней текстов стоит во многом общая проблематика, задаваемая автором при изучении интересующих его явлений. К этому

выводу отчасти отсылает и «Послесловие» книги, в котором автор возвращается к идее *антропологического подхода* к явлениям, традиционно относящимся к разным областям знания. В этом смысле данное книге название – *Язык – реальность – игра – смех (Антропологические фрагменты)* – и в самом деле кажется оптимальным, и язык поставлен здесь на первое место отнюдь не случайно. В самом деле, прежде чем задаваться вопросом о *реальности* и ее онтологичности, имеет смысл обратиться к тому *языку* (или к тем *языкам*), на котором или на которых эти вопросы задаются и обсуждаются. Язык передает (и задает) *смыслы*, а бесконечный характер нашего познания совершенно оправдывает и *игру*, и *смех* – причем не только в смысле объектов изучения, но и в смысле порой весьма желательных, а иногда даже необходимых методологических подходов, помогающих и соблюдать нужную дистанцию по отношению к изучаемому, и сохранять неизменное уважение к потенциальной непознаваемости изучаемого в рамках не только отдельных книг и проектов, но и всей человеческой жизни, и даже жизни не одной. И тем более оправданными кажутся в этой связи последние строки книги, выражающие ее квинтэссенцию – гораздо более широкую по своей направленности, чем чисто академическое содержание, и позволяющую «надеяться, что и сегодня лучшая сторона человеческой природы способна, как и прежде, находить общий язык с лучшим, что есть в человеческой культуре» (стр. 311).

Книга А.Г. Козинцева адресована разностороннему и начитанному интеллектуальному собеседнику, которому не нужно специально рассказывать о работах Ю.Е. Берёзкина, объяснять, что такое теория «эгоистичного гена» Р. Докинза или чем – при спорном характере их содержания – все же могут быть сегодня интересны книги С. Пинкера. И даже если не со всеми выводами автора можно безусловно согласиться (как быть, к примеру, с предлагаемыми однозначными ответами на кажущиеся сегодня сложнейшими – в позитивистском смысле – вопросы? можно ли совершенно отрицать современное биосемиотическое направление исследований?..), это кажется вполне естественным: истина рождается в диалоге, а по своему характеру, и в том числе порой и по стилю изложения, книга подчеркнута диалогична: недаром некоторые ее главы представляют собой тексты выступлений автора на семинарах и конференциях, рецензии на написанное другими или же фрагменты переписки (отметим здесь и характер писем, которыми А.Г. Козинцев обменивается с коллегами – это в самом положительном смысле слова необычные для нашей эпохи вечной нехватки времени замечательные, пространные и богатейшие по интеллектуальному содержанию тексты)... Все это – свидетельства интеллектуальной щедрости автора и его внимания к академической работе своих коллег, чего очень хотелось бы пожелать и современным исследователям-гуманитариям в целом.

В аннотации к книге отмечено: «Ввиду содержательной и стилистической разнородности текстов книга не имеет единой целевой аудитории. Но мы надеемся, что по крайней мере некоторые ее разделы заинтересуют специалистов, работающих в разных областях гуманитарной науки, а также непрофессионалов, задумывающихся о природе человека». Надеемся, что так и будет, и книга А.Г. Козинцева многих вдохновит на размышления и дискуссии и о *языке и реальности*, и о *игре и смехе*.